

Б.А. Калоев

А.Ф. КОНИ О КАВКАЗЕ

Анатолий Федорович Кони (1844–1927) известен как выдающийся юрист-оратор, ученый, литературовед, публицист, педагог второй половины XIX в. Он является автором восьмитомного собрания сочинений. Однако в его творческом наследии материал по Кавказу отсутствует. Не коснулся этого региона А.Ф. Кони и в выступлениях на знаменитых судебных процессах и заседаниях Государственного совета, членом которого он состоял в течение многих лет. Предметом нашего исследования послужил лишь доклад, сделанный им в 1897 г. на годичном собрании Петербургского юридического общества, посвященный почти целиком Кавказу и опубликованный под названием «Большая юстиция» в газете «Новости»¹, а затем в кратком изложении Коста Хетагурова – в газете «Северный Кавказ»². К сожалению, этот доклад, характеризующий А.Ф. Кони как прекрасного знатока Кавказа, почему-то не вошел в сборник его трудов.

Вызывает интерес личное знакомство с А.Ф. Кони великого осетинского поэта, демократа и интернационалиста Коста Хетагурова, которое произошло 28 марта 1899 г. в Санкт-Петербурге, куда поэт приехал искать защиты своих прав от произвола царского ставленника, начальника Терской области генерала Каханова. Об этом он сообщал тогда же в письме к А.А. Цаликовой: «...Я побывал у сенатора Кони. Он очень горячо принял к сердцу мое положение, но с прискорбием объявил, что теперь ничего нельзя поделать». Речь идет о возможности отмены решения Терской военной администрации о высылке поэта с Кавказа³. Характерно, что в это же время в нескольких номерах (с марта по май) «Санкт-Петербургских ведомостей» печаталась нашумевшая статья «Неурядицы Северного Кавказа» К. Хетагурова⁴, по его словам, вызвавшая «переполох» в правительственных кругах⁵. Знал ли Кони, что перед ним автор этой статьи? Нам это неизвестно. Думается, что статья не могла пройти мимо него. Она вызвала широкий резонанс, показала порочные методы правления генерала Каханова, приводившие к разорению и обнищанию горского населения. Установленный им режим творил беззакония, проводя экзекуцию, административную высылку, не считаясь с традициями и обычаями горцев. Вместе с тем из статьи мы узнаем о существовании в ряде мест Северного Кавказа суда присяжных, введенного с конца XIX в., и о его отсутствии в Закавказье. Видно, что К. Хетагуров высоко оценивал это учреждение, отмечая, что в нем «судимый» всесторонне гарантируется от незаслуженной кары. В целом статья эта имеет большое значение и несомненно послужила для А.Ф. Кони дополнительным источником познания Кавказа. Думается, что немало ценных сведений о Кавказе он мог воспринять от Л.Н. Толстого и М.М. Ковалевского, находясь в течение многих лет в близких дружеских отношениях с этими прекрасными знатоками края.

Делая небольшое отступление, укажем лишь, что творчество А.Ф. Кони не стало до сих пор предметом специального этнографического изучения. А между тем его отличает глубокое знание жизни сельского населения не только русского, но и ряда других народов царской империи. А.Ф. Кони прожил долгую творческую жизнь, до последних дней вел научную и педагогическую работу; он внес огромный вклад в развитие юридической науки. На его «Советах педагогам» воспитывались многие поколения лекторов, преподавателей⁶. Выходец из интеллигентной семьи в Петербурге, в 1865 г. он блестяще закончил Московский университет⁷. Кандидатская диссертация «О праве необходимой обороны» принесла ему громкую славу⁸, дала возможность по своему желанию выбрать место службы. Стремясь еще в молодые годы лучше познать жизнь сельского населения, А.Ф. Кони стал прокурором Харьковской губернии, а затем и Казанской, отличавшейся многонациональным составом населе-

ния. Работая в центральных учреждениях, он не прерывал связи с провинцией, неоднократно выезжал на крупные судебные процессы и, выступая на них, проявлял свое блистательное ораторское искусство, глубокое знание быта народа, его материальной и духовной культуры, устного творчества. Каждое публичное выступление А. Ф. Кони сопровождалось билием фактов из народной жизни. Большой интерес в этом отношении представляют его многочисленные воспоминания, содержащие немало ценных сведений по этнографии русского народа⁹.

Несомненно благодаря ему был принят в 1911 г. законопроект о допущении женщины-юриста в адвокатуру. В то время против принятия этого законопроекта выступили министр юстиции и ряд депутатов, которые оправдывали свое несогласие ссылкой на особые физические и духовные свойства женской природы, якобы не позволяющие женщине служить в адвокатуре. Приводились курьезные случаи. Член Государственного совета протоиерей Буткович, например, говорил: «Даже в своем способе сотворения Бог показал различие природы мужской и женской. По свидетельству Библии, когда Бог творил человека, он сначала создал из глины его тело и вдунул в него душу бессмертную. А Еву сотворил совершенно другим образом: он взял во время сна ребро у Адама и сотворил из него Еву».

А. Ф. Кони приходилось доказывать, что поскольку женщины допущены в ряд университетов для получения юридического образования¹⁰, то им должна быть предоставлена возможность служить в адвокатуре подобно тому, как это давно практикуется в европейских странах, в частности во Франции. Он был вполне уверен, что женщина внесет в адвокатуру новые нравственные черты, поддержит и укрепит положительные намерения. «Для кого же секрет, – спрашивал А. Ф. Кони с трибуны Государственного совета, – что жизнь удорожилась чрезвычайно? Кто не чувствует, что бытовые и житейские условия чрезвычайно изменились за последние 50 лет? Необходимо вступить в борьбу за существование, т.е. за кусок хлеба. И вследствие этого является потребность возможного расширения областей частной и непостыдной деятельности. Как же государство может не прийти на помощь этому положению и не открыть женщине новый способ заработка»¹¹.

Нелегко было женщинам, особенно из малоимущих семей, испытывавшим тяжелые материальные затруднения, получать в университетах юридические знания, которыми, как отмечалось, они не могли даже пользоваться. А. Ф. Кони, ведший почти всю жизнь педагогическую работу в различных высших учебных заведениях, хорошо знал это. В одном из своих выступлений на заседании Государственного совета он говорил, что женщины, обучаясь в университетах, «переносили и голод, и нужду, и тяжелые условия и обстановку жизни, может быть, из последних сил, давая уроки и занимаясь за грошовое вознаграждение переводами, иногда находясь на краю отчаяния и самоубийства, и платили из последних крох, чтобы получить юридические знания»¹². А. Ф. Кони не ограничивался борьбой за право допущения женщин в адвокатуру: он выступал за полное равноправие их с мужчинами. В частности он отмечал, что в последние десятилетия в обществе наблюдается нарушение семейно-брачных отношений, проявляющееся в том, что в некоторых ведомствах, в том числе судебных, девушки не могут выходить замуж, иметь своих детей. «Пора бы признать, – заключает он, – глубокое значение и высокую правду слов Библии, говорящей: "И сотворил Бог человека по образу своему; мужчину и женщину сотворил их", т.е. создал равными»¹³.

А. Ф. Кони внес важный вклад и в решение проблемы эффективной борьбы с пьянством как большим национальным злом, приводящим ко многим преступлениям. Корень зла он видел в казенной продаже водки и спирта. «Народное пьянство в России, – говорил А. Ф. Кони, – являлось истинным общественным бедствием, составляло все более и более нарастающую опасность вырождения народа в духовном и физическом отношении, могущего оказать роковое глобальное влияние на историю родины и на стойкость русского племени»¹⁴.

В своих многочисленных выступлениях в Государственном совете по вопросам

судебной реформы он настаивал на введении суда присяжных во всех частях империи, в том числе и на Северном Кавказе, где по его словам, в отличие от Закавказья, для этого созрели условия. А.Ф. Кони говорил, что благами этого судебного учреждения уже пользуется хорошо знакомая ему Казанская губерния, по составу своему разноплеменного населения стоящая в менее благоприятных условиях, чем, например, Ставропольская.

Как отмечалось, Кавказ познавался ученым и посредством длительного общения с Л.Н. Толстым – прекрасным знатоком этого края, побывавшим в молодые годы на Тереке у гребенских казаков. Свидетельством того, что кавказская тематика всегда входила в творческие интересы Л.Н. Толстого, является и представленное в библиотеке его усадьбы в Ясной Поляне большое количество кавказоведческой литературы, в том числе такое многолетнее издание, как «Сборник для описания местностей и племен Кавказа»¹⁵. Еще при жизни писателя А.Ф. Кони опубликовал обширные воспоминания, из которых мы узнаем, что его первое знакомство с Л.Н. Толстым¹⁶ состоялось в 1887 г. в Ясной Поляне, где он гостил около шести дней¹⁷. Тогда же А.Ф. Кони рассказал Л.Н. Толстому об одном судебном процессе, послужившем писателю сюжетом для создания романа «Воскресение»¹⁸. С этого времени и почти до самой кончины писателя они постоянно общались и переписывались. «После 1887 года, – писал Кони, – каждый раз проезжая через Москву, я заходил к Льву Николаевичу и проводил вечер в его семействе. Он был, как всегда, интересен и глубоко содержателен, много говорил об искусстве»¹⁹.

В другом месте Кони сообщает об их последней встрече, происходившей в 1904 г. в Ясной Поляне, когда Л.Н. Толстой предложил ему прочесть в рукописи три своих произведения – «Божеское и человеческое», «После бала» и «Хаджи-Мурат», причем последнее, по определению Кони, по разнообразию картин и положений, по глубине и яркости изображений и по эпическому своему характеру может «сойти наравне с «Войной и миром»»²⁰. Длительные дружеские связи Кони и Толстого подтверждаются и их сохранившимися письмами, относящимися к 1888–1910 гг.²¹

Однако наибольшие сведения о Кавказе А.Ф. Кони, несомненно, воспринял от М.М. Ковалевского, несколько лет изучавшего кавказских горцев непосредственно в местах их обитания. Его фундаментальный двухтомный труд «Закон и обычай на Кавказе» остается до сих пор настольной книгой каждого, кто изучает социальные институты кавказских горцев, их общественный строй, обычное право²². Объездив почти весь Кавказ, ученый особенно основательно исследовал осетин, горцев Грузии (сванов, пшавов, хевсур и др.), одновременно собирал предметы материальной культуры для московских музеев, в частности, для только что открывшегося Исторического музея. Так, например, в 1885 г., находясь в горах Грузии, он писал В.Ф. Миллеру – своему товарищу по Московскому университету и изучению ираноязычных народов Кавказа, выдающемуся русскому ученому: «Кое-что будет небезынтересно для тебя как заведующего этнографическим музеем. Я купил, между прочим, полный мужской и женский костюмы хевсуров, набрал черепов, купил три шапки с лазанскими надписями. Теперь еду в Дагестан, где, вероятно, проведу весь август»²³.

Немаловажным фактором сближения Кони и Ковалевского могло быть чтение последним лекций, затрагивавших их общие научные интересы. По отзыву тех, кто слушал Ковалевского, у него была прекрасная манера чтения: «Он говорил очень громко, отчетливо, лекции отличались блестящим изложением, серьезным научным содержанием и строгой объективностью. Он умел вводить в свои лекции остроумные замечания, полные неистощимого юмора»²⁴. Несомненно, что любой, сколько-нибудь знакомый с творчеством Кони, найдет в нем немало сходных черт с Ковалевским. Это и взгляды ученых на решение вопросов, касающихся установления в России конституционного правового демократического государства, и, конечно же, блестящее ораторское искусство, которым они обладали. Известно, что А.Ф. Кони считается создателем русской школы судебного красноречия. Его публичные выступления на знаменитых судебных процессах привлекали массу народа. Он был выдающимся

педагогом, читавшим лекции до последних дней во многих учебных заведениях Петербурга. О близком знакомстве знаменитых ученых мы узнаем из брошюры А.Ф. Кони «М.М. Ковалевский о законодательной деятельности», посвященной его памяти (1916). В ней говорится: «В течение восьми лет мы были соседями по креслам в Марининском дворце, в зале заседаний Верхней Палаты. Прежние мимолетные встречи сменялись у нас за этот долгий период постоянным обменом мыслей и взглядов»²⁵. Кони не мог примириться с мыслью, что не стало этого выдающегося ученого и общественного деятеля, с которым он имел немало сходных точек зрения по судебно-правовому строительству Российской империи. Он горько сожалел, что больше не увидит появления на заседаниях Государственного совета «его крупной фигуры с красивым русским лицом, милой улыбкой, живым, но часто грустным взором и могучим голосом»²⁶.

Кони произнес с трибуны Государственного совета 17 речей, посвященных вопросам демократизации имперской судебной системы, расширению прав женщин, развитию народного образования, борьбы с пьянством и т.д.²⁷. А вот о количестве выступлений Ковалевского и поднятых в них вопросах пока неизвестно. Одно ясно, что ученые, видимо, не затрагивали кавказскую тематику. Стоит напомнить и то, что судебная реформа, как и крестьянская, производилась на Северном Кавказе гораздо позже, чем в России. Во Владикавказском участке, например, мировой суд был открыт лишь в 1897 г.²⁸

Наряду с распространенной почти повсюду в кавказском регионе практикой словесного суда, введенного в декабре 1870 г. и решавшего дела в сельских местностях по нормам обычного права, по крупным преступлениям применялось русское судебное законодательство, нередко допускавшее грубый произвол по отношению к традициям горцев. Это и послужило предметом содержания доклада Кони, о котором пойдет речь. Печатаемая это выступление ученого в своем изложении, Коста Хетагуров писал, что «Кавказу суждено привлечь не одних лишь поэтов», несомненно, имея в виду здесь Кони как выдающегося юриста-оратора²⁹.

Кони был первым, кто обратил внимание на своеобразие судебных порядков горцев Северного Кавказа, сложившихся под влиянием различных обстоятельств, прежде всего бытовых условий. Он доказывал, что положение Имперского судебного устава вступает в явное противоречие с вековыми обычаями горцев. «Достаточно указать, – писал Кони, – на сохранившийся повсеместно на Кавказе обычай носить при себе оружие – обычай, освещенный веками семейными и национальными традициями. Кавказский туземец, можно сказать, родился с оружием, носит его как фамильную драгоценность. Нередко можно встретить такого туземца в нищенских лохмотьях, на которых живописно красуется кинжал. Между тем наш устав о предупреждениях и пресечении запрещает ношение оружия, а уложение о наказаниях весьма строго наказывает сопротивление властям, грабеж и кражу, если при совершении этих преступлений подсудимый был вооружен. И вот населению Кавказа приходится расплачиваться за свой обычай»³⁰. Нужно заметить, что от этого обычая страдало не все население Кавказа, а лишь горцы Северного Кавказа, для которых кинжал служил украшением традиционного костюма и необходимым оружием защиты в условиях развитых межродовых и межплеменных распри в горском обществе. В Закавказье кинжал, занесенный из Северного Кавказа не ранее середины XIX в., не получил большого распространения. Его носили обычно с черкесской преимущественно богатые слои городского и сельского населения: беки, князья, представители торговой буржуазии и т.д. Таким образом, рассматриваемый Кони обычай сложился у горцев Северного Кавказа, когда кинжал, именуемый ими турецким термином *кама*³¹ (у осетин – *хъама*, кабар. – *гама*, абхаз. – *агама*, балкар. – *хъама*), стал необходимым украшением горского костюма, некоторые элементы (бешмет, головной убор, обувь) которого уходят в скифскую эпоху³². Появление кинжала, а следовательно и связанный с ним обычай, были вызваны окончательным формированием этого костюма, по многим письменным и археологическим источникам, происшедшим не

ранее XVIII в.³³ Из всех авторов позднего средневековья, побывавших на Северном Кавказе, кинжал впервые упоминает только Рейнегс (1798)³⁴. В самом начале XIX в. Клапрот, посетив осетин, писал, что они носят «обоюдоострый кинжал (кама)»³⁵. Примерно два десятка лет спустя Хан-Гирей так характеризует кинжал у адыгейских народов: «Черкес ест, пьет, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следовательно он вечно вооружен»³⁶. И в последующий период кинжал остается неразлучным спутником горца. В 80-х годах XIX в. осетинский этнограф С.В. Кокиев, например, писал: «Первое и необходимейшее оружие для осетина кинжал, с которым он не расстается ни днем, ни ночью, днем он висит у него на поясе с левой стороны, как необходимое украшение и принадлежность костюма; ночью же лежит непременно под подушкой»³⁷. Таким образом, приведенные данные подтверждают слова Кони о том, что горец не расставался с кинжалом от рождения до самой смерти. Считали, что без кинжала он не мог обходиться и в загробном мире. Поэтому очень часто с покойником клали и его кинжал, о чем свидетельствуют археологические находки, например, в склепах «Городка мертвых» в Северной Осетии³⁸. Далее Кони указывает и на другие воззрения горцев, которые также резко расходились с предписаниями имперских законов. По его словам, это разногласие особенно стало ощущаться с тех пор, как подсудность горскому суду была изменена и компетенция его указана в пользу общих имперских судов. Последние, в силу прямого преследования законом таких преступлений, как похищение девушки, кровная месть, кража лошадей, игнорировали местные обычаи, по которым родовые старейшины решали дела, исходя из норм обычного права. Критикуя грубое вторжение имперских судов в почти неизвестную им область духовной жизни горцев, А.Ф. Кони еще раз показал себя как превосходный знаток их бытовых обычаев. Он совершенно прав, когда утверждает, что похищение девушек – широко распространенный обычай кавказских горцев, одна из форм заключения брака и его нельзя рассматривать как преступление. Существование этого обычая было обусловлено непомерным выкупом (калымом) за невесту, а также рядом других патриархально-родовых пережитков, в частности, нежеланием родителей невесты брака с данным лицом. В конце XIX – начале XX в. калым в Осетии составлял почти повсеместно 300–400 руб. (взамен их калым обычно выплачивали мелким и крупным рогатым скотом, ценными вещами, а в ряде мест, кроме того, давали еще верхового коня) и лежал тяжелым грузом на всех слоях населения³⁹. Он разорял хозяйство даже самого состоятельного горца, вынуждал многих людей годами работать по найму, чтобы накопить его стоимость, идти на разбой и убийства. Своеобразным протестом против этого жестокого обычая было то, что молодые, заключая брачный союз, обходили его по-своему, устраивая побег для девушки с ее избранным. Этот вид похищения девушки, называвшийся *алыгъди* (убежала), был самым распространенным и во многих случаях завершался мирным исходом. В то же время насильственное похищение, вызывавшееся несогласием девушки на брак, строго осуждалось в народе, нередко приводило к кровной мести. Во всех случаях дела рассматривались и решались советами родовых старейшин, точнее медиаторскими судами, уходящими корнями в первобытнообщинный строй. И вот наступило время, когда, по словам Кони, имперские суды, не учитывая местные традиции, брали на себя функции горских словесных судов даже по тяжким преступлениям, так как кровная месть нередко приводила к истреблению конфликтующих сторон. По горскому закону «кровь смывается кровью», убийца, осужденный имперским судом на длительный период пребывания в Сибири, не избавлялся даже после возвращения от преследования кровниками, равно как его ближайшие родственники. Поэтому в случае кровной мести горцы отказывались от услуг обычных судов, создавая примирительную комиссию из почетных родовых старейшин, не допуская дальнейшего распространения мести. Процесс примирения кровников повсюду в Осетии был обставлен сложными, запоминающимися на всю жизнь церемониями. Достаточно вспомнить обычай, когда 30–40 выборных мужчин виновной фамилии приходили во двор убитого с убийцей в центре, становились на колени, ожидая, пока

навстречу им не выходила группа почетных стариков из фамилии убитого с его родными, обращавшимися к ним со словами: «Отныне и навсегда мы вам прощаем, наши фамилии помирились». Заключительным этапом примирения была уплата сородичами убийцы в оговоренных размерах «стоимости» за кровь и устройство так называемого *кровного стола (туджи фынг)* с обильным угощением для людей потерпевшей стороны.

В заключительной части своего доклада Кони подробно остановился на характеристике обычных судов, на служебной деятельности судей, отметив, что судьи получающие на Кавказе повышенный оклад жалования, неохотно расстаются с краем засиживаются здесь, превращаются в «усталых рутинеров». С другой стороны, они поставлены в тяжелые жизненные условия: «губительный климат, с его зноем, выюгами; угрюмый горный край, лишенный сносных путей сообщения, которые иной раз сводятся к узкой тропинке, доступной только для проезда верхом, при этом на высоте 3 тысячи футов над уровнем моря»⁴⁰.

А. Ф. Кони – один из активных проводников судебной реформы в России⁴¹, законодатель, теоретик и практик в области юридической науки – не мог не знать и о других недостатках узаконенных судов на Кавказе. Так, он считал недопустимым практиковавшееся здесь сосдинение в лице одного мирового судьи судебных и следственных функций⁴². В то же время Кони был против передачи следственных дел полиции с целью «облегчения» деятельности мировых судей ввиду невысокого нравственного и образовательного уровня полицейского персонала. Кони указывал и на ряд других фактов, от которых страдало правосудие Кавказа. Прекрасное знание им этого региона дало ему возможность сделать заключение об отделении в судебном отношении Северного Кавказа от Закавказья. По мнению Кони, лишь на Северном Кавказе мог быть введен суд присяжных⁴³.

Итак, приведенный материал показывает, что во многих своих работах А. Ф. Кони выступает как ученый с большим знанием различных сторон жизни не только русского народа, но и других народов Российской империи. Кавказ не составляет исключения, не выпадает из поля зрения знаменитого юриста-оратора, ярко выступавшего в защиту прав его народов, их вековых традиций. Рассматриваемое выступление А. Ф. Кони в целом – заметный вклад в кавказоведение. В нем впервые поднимается вопрос о невмешательстве судов в дела по таким преступлениям, как кровная месть, похищение девушки, кража лошадей и т.д. с учетом того, что они должны по-прежнему решаться нормами обычного права горцев. Несомненно, что в этом проявляется глубокое знание автором традиционных обычаев горских народов Кавказа, их общественного и бытового уклада.

Примечания

¹См.: Новости. 1897. 30 янв. (ежедневная петербургская газета, выходит с 1872 г.).

²Хетагуров К. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. М., 1960. С. 140–166; газ. «Северный Кавказ» издавалась в г. Ставрополе, ее соиздателем был какое-то время и К. Хетагуров. Доклад А. Ф. Кони он излагает в статье «Накануне», опубликованной в 1897 г. в упомянутой газете под псевдонимом «Нарон».

³Там же. Т. V. С. 64, 65; далее в письме сообщалось: «...Да ведь это насилие, я за собой не знаю никакой вины... ничего не поделаешь... Теперь весь мир держится на этом... надо примириться».

⁴Там же. Т. IV. С. 183–200.

⁵Там же. Т. V. С. 63–64. «Статья моя о неурядицах на Северном Кавказе, – сообщал он в письме к той же А. А. Цаликовой, – уже набирается. Сегодня мне прислали корректуру, она будет для Каханова ничуть не слаще, чем для меня Пенза (поэта хотели сначала сослать в Пензенскую губ. – Б. К.). Хочу воспользоваться личным знакомством кн. Ухтомского (тогдашний редактор «Санкт-Петербургских ведомостей». – Б. К.) с царем и рассказать ему о своей истории, авось он доведет ее до его сведения» (там же. С. 63). Об этом же поэт писал в письме к А. А. Цаликовой: «В четверг 25 марта появилось в "Санкт-Петербургских ведомостях" начало моей статьи» (там же. С. 67) и в письме к А. И. Цаликову (более подробно): «Сегодня я был у кн. Ухтомского... он встретил меня чуть не с распростертыми объятиями. – Ну, говорит, наделали же мы своей статьей... Читается нарасхват... только и разговоров... Куропаткин (военный министр. – Б. К.) прислал ко мне своего адъютанта... Министр, говорит, страшно возмущен...»

Надо, говорит, положить конец этим безобразиям... Такой порядок вещей не может продолжаться... В это же лето пошлем целую комиссию подробно исследовать все, что происходит в Терской области... Если хоть сотая доля того, что передается в "Петербургских ведомостях", правда, то и тогда это выше всякого вероятия... Просит дать ему несколько номеров... Я дал. Окончание статьи вошло в завтрашний номер...» (там же. С. 76). Статья эта, самая значительная из всех публикаций поэта, направленных против методов правления царской военной администрации на Северном Кавказе, печаталась с 25 марта по 11 мая.

⁶Чтобы иметь представление о «Советах» А.Ф. Кони, чрезвычайно ценных особенно для начинающего лектора, приведем небольшой отрывок из них: «Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенным в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься..., труд – основа уверенности лектора... Когда спросили Ньютона, как он открыл закон тяготения, великий математик ответил: "Я об этом много думал". Другой великий человек – Алва Томас Эдисон сказал, что в его изобретении было 98 процентов "потения" и 2 процента "вдохновения"... Итак, страх лектора уменьшается подготовкой и практикой, то есть тем же трудом» (*Кони А.Ф.* Избр. произведения. Т. 1. Статьи, заметки, судебные речи. М., 1957. С. 30).

⁷Отец А.Ф. Кони был известным воевоилистом и театральным критиком, издателем журнала «Пантеон» (1840–1857), в котором сотрудничали Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович, Я.П. Полонский, Л.А. Мей; мать юриста была актрисой и писательницей.

⁸Эта его первая печатная работа, написанная еще в студенческие годы, вызвала большой интерес общественности. Заинтересовалась ею и царская цензура. Внимание цензуры было обращено на то место в работе, где автор писал: «...достоинство государственной власти... выигрывает, если она будет строгой блюстительницей закона и будет всегда одинаково строго смотреть на отступников от закона, невзирая на их общественное положение... Власть не может требовать уважения к закону, когда сама его не уважает». (О праве необходимой обороны. Рассуждения студента Анатолия Кони. М., 1866. С. 214–215).

⁹Автор, например, с тонкой этнографической наблюдательностью описывает в своих воспоминаниях быт родного старого Петербурга. (*Кони А.Ф.* Петербург. Избр. соч. Т. 7. М., 1969).

¹⁰А.Ф. Кони отмечал, что на юридических факультетах Московского, Киевского и Петербургского университетов женщины уже учатся и среди них есть даже преподаватели, а Государственный совет не разрешает работать им в судебных органах (см.: *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 4. М., 1967. С. 432).

¹¹*Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 4. М., 1967. С. 431.

¹²Там же. С. 432.

¹³Там же. С. 436.

¹⁴Там же.

¹⁵*Далгат У.Д.* Работа Л.Н. Толстого над изданиями кавказского фольклора // Фольклор: образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984.

¹⁶*Кони А.Ф.* Статьи и воспоминания о русской литературе // Избр. соч. Т. 6. М., 1968.

¹⁷«Несколько дней, проведенных мною в Ясной поляне, – писал он, – прошли очень быстро, но до сих пор, через двадцать лет, составляют одно из самых светлых воспоминаний моей жизни... Про него сказать то же, что было сказано о Пушкине: "Это великое явление русской жизни"» (*Кони А.Ф.* Избр. соч. Т. 6. М., 1968. С. 466).

¹⁸Тогда же Л.Н. Толстой стал присяжным заседателем суда Тульской губ. «Со сдержанным негодованием, – пишет А.Ф. Кони, – передавал он мне эпизоды из своего призыва в качестве присяжного заседателя в Тулу и свои наблюдения над различными эпизодами судоговорения и над отдельными лицами из судебного персонала и адвокатуры». (Там же. С. 482).

¹⁹*Кони А.Ф.* Избр. соч. Т. 6. С. 483.

²⁰Там же. С. 489.

²¹Сохранилось 36 писем Л.Н. Толстого и А.Ф. Кони. «В 1904 году на Пасхе, – писал Кони, – я снова посетил, и быть может, уже в последний раз, Ясную Поляну». (Там же. С. 486).

²²*Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе // Соч. в 2 т. М., 1896; *его же.* Современный обычай и древний закон, обычное право осетин в историко-сравнительном освещении // Там же.

²³*Калоев Б.А.* В.Ф. Миллер – кавказовед (исследование и материалы). Орджоникидзе, 1963. С. 162–163.

²⁴*Его же.* М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 16–17.

²⁵*Кони А.Ф.* М.М. Ковалевский о законодательной деятельности. Петербург, 1916. С. 4.

²⁶*Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 4. С. 5.

²⁷Там же. С. 25, 27.

²⁸История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней в 2 т. Т. I. Орджоникидзе, 1987. С. 290, 291.

²⁹*Хетагуров К.* Указ. раб. Т. IV. С. 150–158.

³⁰*Кони А.Ф.* Из доклада на годичном собрании Петербургского юридического общества // Новости. 1897.

№ 115.

³¹*Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973. С. 260–261.

³²*Его же*. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., 1949. С. 52–56. «По-видимому, – пишет автор, – это оружие (т.е. кинжал. – Б.К.) не было в ходу у иранцев-осетин, и они познакомились с ним на Кавказе» // Там же. С. 53.

³³Г.А. Кокиев, изучавший склепы горной Осетии еще в 1920-х годах, не зафиксировал в них кинжалов, он только отмечал: «На покойных прекрасно сохранились костюмы XV–XVI вв.» (*Кокиев Г.А.* Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнографический очерк. Владикавказ, 1928. С. 7–24.); несколько экземпляров кинжалов было найдено археологом В.Х. Тменовым в даргавском «Городке мертвых» // *Тменов В.Х.* «Городок мертвых» (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе, 1979. С. 109.

³⁴Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 90–104; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII–XIX вв. Нальчик, 1974. (Здесь Якоб Рейнеггс в своем описании черкесов в 1798 г. писал, что они, наряду с другим оружием, носят и кинжал // Там же. С. 211).

³⁵Осетины глазами русских... С. 157.

³⁶*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; *его же*. Избр. произв. Нальчик, 1974.

³⁷*Кокиев С.В.* Записки о быте осетин // Сб. материалов по этнографии, изданный при Дашковском этнографическом музее. Вып. I. М., 1885. С. 93.

³⁸*Тменов В.Х.* Указ. раб. С. 105.

³⁹Об этом немало писалось на страницах газет, выходящих на Кавказе: «Терские ведомости» (1902. № 70; 1903. № 56 и т.д.), «Казбек», «Кавказ», «Новое обозрение» и др.

⁴⁰См.: *Кони А.Ф.* Указ. докл.

⁴¹Кони отстаивал демократические положения судебной реформы 1864 г. и в частности суд присяжных, отрицая, однако, его политическое значение. Известно, что гонение на суд присяжных во многом было обусловлено вынесением оправдательного приговора В.И. Засулич (*Кони А.Ф.* Указ. раб. Т. I. С. 14.).

⁴²Судебная реформа, как и крестьянская, была проведена на Северном Кавказе только в декабре 1876 г., причем имперские суды здесь сосуществовали почти повсюду с местными «словесными» (История народов Северного Кавказа с конца XVIII в. по 1917 г. М., 1988. С. 281.).

⁴³См.: *Кони А.Ф.* Указ. докл.

В.А. К а l о е в. A.Ph. Koni about the Caucasus

The article is dealing with the report of famous jurist, writer and teacher A.Th. Koni which was published in 1897 and devoted to the problems of scientific research of the peoples of Caucasus.